

Одной из мегакатегорий англоязычного юридического текста выступает категория *личности*, варьируясь в широком, хотя и достаточно определенном, диапазоне в зависимости от факторов семантического, стилистического, структурно-текстового и жанрово-стилевого характера. Разные способы представления субъекта обобщаются в трех категориях – определенности, неопределенности и обобщенности.

Категория определенности представляет субъект действия как неопределенно-множественное лицо, неизвестное или намеренно устраненное в связи с его незначительностью для содержания информации. В английских научных текстах эта категориальная разновидность передается с помощью местоимения *we*.

Местоимение *we* противопоставляется местоимению *they/he* по линии: *we* (моноэтничность): *they/he* (иноэтничность).

Своим обобщенным, предельно-широким значением обобщенно-личное *one* отличается от неопределенно-личного *we*, которое сохраняет свое индивидуальное значение. В обобщенно-личном *one* снят какой бы то ни было личный момент, оно как бы объективирует личное, представляет субстанцию максимально абстрагированной, и в связи с этим *one* находится в полярно-противоположной семантической точке по отношению к личному местоимению 1-го лица единственного числа, которое всегда соотносится с реальным участником данного речевого акта.

Использование неопределенно-личных и обобщенно-личных местоимений связано с текстами жесткой структуры, присущей текстам юридического содержания, научным текстам определенной жанровой разновидности.

Анализ исследуемого материала позволяет прийти к следующим выводам:

1.англоязычные юридические тексты характеризуются консервативностью средств выражения, использованием историзмов, архаизмов и каноничностью композиции;

2.инвариантная композиционная модель текста представляет собой тематическое единство, состоящее из ряда более мелких структурных блоков (подтем, сверхфразовых единиц, предложений);

3.следует отметить наличие в текстах следующих компонентов: объяснение, рассуждение, описание, доказательство, выводы, что позиционирует англоязычные юридические тексты как подвид научного имплицитного;

4.среди основных формально-семантических категорий следует выделить категорию имплицитной субъектности т. е. бинарное противопоставление категории определенности – неопределенности.

Источники и литература

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1983.
2. Разинкина Н. М. Функциональная стилистика английского языка. – М.: Высшая школа, 1985.
3. Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. – М.: Высшая школа, 1967.

Конануха О. Г.

ИЗ ИСТОРИИ КОНФИКСАЛЬНЫХ СТРУКТУР В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА И. И. СРЕЗНЕВСКОГО)

Материалом исследования избраны наиболее интересные нам субстантивные формы конфиксальных образований, при этом конфиксом считается единая прерывистая словообразующая морфема, осложняющая производящую основу одновременно в пре- и постпозиции. В исследовании мы исходили из положений, выдвинутых в работах Л. В. Владимировой, В. М. Маркова, Г. А. Николаева, С. Х. Чекуриной. Основной целью данной работы было выявление основных тенденций в процессе развития конфиксальных имен в русском историческом словообразовании на материале словаря древнерусского языка И. И. Срезневского.

Словообразовательная система русского языка, как и другие стороны языка, постоянно развивается и изменяется под влиянием экстралингвистических и чисто лингвистических факторов. Важным фактором, влияющим на развитие языка в целом и словообразования в частности, является стремление к выразительности как своеобразное проявление диалектики формы и содержания в языке. В словообразовании это стремление разрешалось на пути взаимодействия семантического и морфологического способов словопроизводства, морфологизации результатов семантической деривации, формирования новых словообразовательных средств в ходе этого взаимодействия.

Как морфемное, так и семантическое словопроизводство осуществляется на базе отдельного слова (в его исходной или косвенной форме) или словосочетания. Неисходные формы слов (в том числе предложно-падежные формы), которые нередко использовались в истории русского языка в качестве производящих основ для новообразований, представляли промежуточную словообразовательную базу, а потому вытеснялись в данной функции исходными формами (номинативом в имени и инфинитивом в глаголе). Устранение неисходных форм как производящих основ могло происходить путем внутриспособного взаимодействия [2, с.30], например, интересующее нас развитие конфиксации на базе суффиксации предложно-падежных форм (что было одним из основных путей становления конфиксации): *за горой – загорие; безъ гнева – безгневие; на плече – наплечник; безъ души – бездушие, безъ ума – безумие* или образований типа *безумь* (Конст.Болг.поуч.ХІІ в.), *бесчада* (Пал.ХІV в.) и т. п. Необходимо отметить, что предложно-падежные формы осложнялись строго определенными суффиксами (*-ник, -ок, -ка, -(н)ица, -ень, -ач, -ство, -ак, нулевым суффиксом, -ье/-ие* (наиболее регулярный суффикс)). В дальнейшем образовании типа *заветрие, загорие, безумие, наплечник, бездушие* и т. п. (в связи с перемотивировкой этих суффиксальных структур, вызванной ориентацией процессов словообразования на исходные формы слова) устанавливаются соотношения непосредственно с теми именами, которые входили в состав предложно-падежных сочетаний *гора, ум, плечо, душа* и т. п. и составляют на этом основании конфиксальный словообразовательный тип *гора – за-гор-ие, ум – без-ум-ие, плечо – на-плеч-ник, душа – без-душ-ие* и т. п.

Конфиксация могла формироваться и в результате взаимодействия семантического и морфологического способов словообразования в русском языке. Таким путем формировались конфиксальные структуры в сфере

наречий. Так, наречные формы, образованные семантическим путем на базе предложно-падежных форм имен существительных и при соотнесенности непосредственно с исходными формами, стали выделять в своей структуре конфиксальные форманты *красный – до-красн-а, сухой – до-сух-а, низ – с-низ-у, молодой – смолоду* и т. п. [2, с. 45].

Как известно, конфикации искони не было. Закрепление конфикса как самостоятельного словообразовательного средства русского языка можно отнести к началу XIV века [3, с. 62] (период разрушения семантического синкретизма). Как мы уже упоминали, в русском языке происходила суффиксация предложно-падежных форм (ППФ), а также было взаимодействие этого собственно русского пути образования данных слов и калькирования с древнегреческого, которое рано слилось с первым способом, т. е. на ранних этапах эти пути почти не различались [2, с. 34]. Суффиксация ППФ: *бесплода- бесплод-ие, бесстудь – бесстуд-ие* или калькирование греческих структур: *беззаконие, безбожество, безъмрътие, бециние* и др. Большинство конфиксальных образований на *без...ие*, отраженных в словаре И. И. Срезневского, являются кальками. Производящей базой для которых могли служить многочисленные сочетания с предлогом *без* (*без закона, без бога* и др. – в анализируемом словаре приведено более сорока сочетаний).

Существует два рода словообразовательных калек: одни представляют собой образования, точно совпадающие по структуре с исконно русскими словами, другие же бывают составлены по образцу иноязычных слов. В связи с этим отмечаем, что какие-то структуры копировались с греческого, т. е. появлялись греческие кальки в книжном языке типа *возглавие, беззаконие*, они были своего рода «чужаками», т. к. для некоторых калек не было русского эквивалента *съродие, възмъдие, соплодие, съгласие*, но с течением времени эти слова получали в русском языке мотивированность и укрепляли свою конфиксальную структуру: *родъ – съ-род-ие, мьзда – въз-мьзд-ие* и т. п. Однако не все кальки были чужеродными: были подобные в русском языке, которые принадлежали старославянскому языку. Выделялись формы на *без-*, они осваивались русским языком: *безвремение* (*без времени, безвременный* – слово оказывалось в кругу близких слов, начинало приживаться), т. о. столкнулись две стихии – греческая и русская, что хорошо прослеживается на основе постпозиционного показателя: *без...ство; без...ствие* (книжный, церковный) – *без...ка; без...ный* (русский).

В русском языке появились такие конфиксальные модели, когда слово имело греческий вид, но образовывалось на русском материале: *безбурие, бездождие, безводие, възводье, възгорье*. Образованные переводчиками слова «обживались», начинали искать родственные слова, сочетания слов, т. е. начинали приобретать русский характер *безгрешие – безгрешный*, ... т. е. кальки имели соответствующую структуру и могли объясняться через прилагательные и существительные.

Другая возможность калькирования могла не только возникнуть не по русским моделям, но и оказывать парадигматическое давление на русские формы (эту возможность не учитывал И. И. Срезневский): исконно русские образования *розмирье, розратье, розводье* и кальки *различие, растъление, разгласие*.

Рассмотрим систему конфиксальных словообразовательных типов в словаре И. И. Срезневского:

Без...ный – безазорьный – неукоризненный *Вс# естествовъный и безазорьный (Изб.1073г.)*; *безблазны* – несоблазняемый *Безблазньо житие (Прол. XIV в.)*

Без...ство – *безаконство – Прѣлюбодѣянина безаконство (Ефр. Крм. Вас.), безмоцство – калька (Пал. XIV в.), бесчинство – Бесъчинство коньско (Златостр. XII в.)*

Без...щина – *безадыщина* – выморочное имя *Ихъ въ безадыщину не ставитити ни обидѣти (Жал. Ив. Кал. до 1340г.)*

Без...ье/ие – *безавидие* – равнодушие *Требуемъ же въ оучень безавидья (Панд. Ант. XV в.)*; *беззаконие* – *Вид# наша безакония на нас поганы # навѣде (Ногвг. Лл 6738г.)*; *безбание* – небрезгливость *Блаженное безбание въ врачехъ и пороучникомъ безврѣдие (Io Лств XIII в.)*; *безбурие* – тишь *Даруи намъ безбоурие (Жит. Ниф. XIII в.)*, *безводье* – недостаток воды *Безводиемъ изгораиешя (Жит. Андр. Юр.)*, *безбожие* – *Приобъщатис # безбожию (Ефр. Крм. Лаод.)*

Въз...ница/ица – *възглавница* – подушка *И възглавница и кладки его на неи же клан#иеш# (Сим. посл. Полик), възглавица*

Въз...ье/ье – *възбрачьствие* – калька (Георг. Ам.); *възводье* – *Иде възхово он# на възводье (Ногвг. Лл 6648г.)*; *възглавие* – изголовье, подушка *Видѣ възглавие свое огнемъ съграюще (Мин. Чет. февр. 262)*, *възгорье (Мин. Чет)*, *възмъдие* – *Възмъдіе приѣмля на небесѣхъ (Илар. Зак. Благ.)*

Въз...ство – *възбрачьствие* – *Иже въ възбрачьствии доброчадыствие (Георг. Ам. 157)*

За...ье/ье – *Заволочие* – топоним, *заморие* – и *заморія съ Готъ потопа лодии (Ногвг. Лл 6941г.)*, *заветрие* – место, защищенное от ветра – *Придоства въ заветрие домоу моего (Быт. XIX в. по сп. XIV в.)*; *зарубежие* – место, находящееся за рубежом (Жал. гр. кн. Твер. д. 1365г.); *Заостровие* – топоним (Дух. Новг. и Дв. XIV-XV в.); *зарѣчие* – место, лежащее за рекой (Жал. гр. Троиц. Серг. мон. 1428-1436г.) *загорие* – место за горою – *Выступи полкъ изъ Загорья (Ип. л. 6684г.)*

За...ник/ица – *засапожник* – *Ти бо бес щитовъ съ засапожники кликомъ плѣкы побѣждаютъ (СОПИ)*; *завыица* – *Да видимъ убо кыхъ на завыици толще будутъ (Георг. митр. 314)*

За...ина – *закраина* – *Съ нижнего конца до Еремѣвы земли межа и съ закраинами и съ притеребомъ (Новг. купч. XIV-XV в.)*

Из...ье/ие – *изгорие* – *Отъ Сигора верста едина вдалѣ до изгорья (Дан. иг. Нор. 26,)*; *изножье, ищадие; изголовье* – *изголовье* – *Паволочитое зголовье, соломы наткано (Сл. Дан. Зат.)*

Меж...ие – *межурѣчие* – топоним – *От межурѣчья суци (Пал. XIV в.)*

На...ие/ье – навечерие – вечер – И день гъноулься в навечеріе (Жит.Ниф.1219г.), наводие – Наводию же бивъиу (Гал. ев. XIII в.)

На... ница/ник – наплечникъ – Наплечники жъ со златом и съ бисеромъ и съ круживомъ (Изн.Пут); напърсьникъ – Иоанъ наперсник Христовъ (Георг.Ам. (Увар)195); нарамница – Привъзаше іе к нарамъници (Изб.1073г.)

На...ок – наколѣнок – Двои наколѣнки камка Бурская по золотой землѣ розные шолки мѣлкои узоръ съ нагавицы (Оп.им.Ив.Вас.1582-1583г.)

Над...ок – надгробок – Надгробныя поем пѣсни (Гр. Нис. о Мел. Мин. чет. февр. 123)

Не...ие – невѣрие – безверие – по пасцѣ на невѣрие (Остр.ев.10 об.), незълобие – кротость – Младенець незълобиемъ (Мин.1097г.л.116), нечѣстие – По множеству нечестія ихъ (Пов.вр.л.6488 г.)

О...ье – оплечье – часть доспеха, покрывающая плечи – 2 оплечья Нѣмецкие, молеваны (въ числѣ латъ) (Ор.Бор.Фед.Год.37)

Па...ица – павечерница – вечерня – Посѣдѣти клеплотъ павечерницю, прѣже захода солнцѣ (Уст.ХПв.) – вечеринка – На свадьбах и въ павечерницахъ (Кир.Тур.94)

Пере...ие – перемирие – А оу томъ перемирьѣ кто кому оучинить, не надобѣсѣ оупоминати старѣишему (Дог.гр.1349)

По...ие/ье – подолие – низменность на берегу реки – Тъгда же погорѣподольѣ Кыевѣ (Нозвг.Лл 6619г.); полюдье – дань с людей – Село Корчичи и зов сими доходы и зъ данью и съ полюдьемъ (Дан.кн.Кобр.1491г.); поморие – местность на берегу моря – Асирѣ обита въ поморьихъ морьскихъ (Суд.V.17 по СП. XIV в.)

По...ник – потоковник, повечерник (Домострой XV в.)

Подъ...ие/ье – подножие (Домострой XV в.), подворье – Псковичи Даша подворье у свягаго Спаса (Псков.Лл.6971), подгорье – место у горы – Въ подгорьѣ, вверхъ по Булаку (Дан.Каз.арх.Гур.1555г.)

Под...ник – подзатыльник, подубрусник (Домострой XV в.)

Пред...ье/ие – прѣдворье – Гиде вънѣ на – прѣдворье (Мр.XIVв.Ост.ев.), прѣдѣстолие (Домострой XV в.)

При...ие/ье – приморие – Събравъ различн странъ и приморою и всю поплѣнивь (Георг.Ам. (Увар)л.129)

Про...иць – просиниць – месяц январь – просиница рекомаго (Остр.ев.л.256)

Раз...ие – распутие – распутица – воротиишасѣ роспутиа дѣлѣ (Псков.Лл.6982); разводье – половодье Онъ же, стоявъ 2 недѣли, убоая разводья, пожга городъ Дмитровъ (Лавр.л.6689г.)

Со/съ...ие – съгласие – Благоключимо естъ съгласье братства (Панд.Ант.XIV. л.167), съчиние – Иже вышнѣаго съчинія (Гр.Наз.XIV.177), сьродие – Видимъ сьдомникѣ наша и сьродникѣ (Никон.Панд.сп.4)

С(о)...ник – сьдомникъ – Видимъ сьдомникѣ наша и сьродникѣ (Никон.Панд.сл.4), сьвѣръникъ (Георг.Ам. (Увар)л.225)

Конечно, приведенные здесь конфиксальные словообразовательные типы не исчерпывают всех подобных структур в древнерусском языке. Как показало исследование словаря И. И. Срезневского, в древнерусском языке выделение конфиксальных морфем в большинстве образований оставалось на уровне омонимии, т. е., имея двойную и тройную соотношенность (например, с прилагательными), эти образования могли трактоваться и как суффиксальные и как конфиксальные. Однако в языке уже активно употреблялись исконно русские образования, которые уже можно квалифицировать как конфиксальные: *подолие* – соотносилось в контексте со словом *дол*, *възгорье* – со словом *гора*, *полюдье* – соотносилось со словом *люд*, *заостровие* – со словом *остров*, *поморье* со словом *море* и др. Причем конструкции, калькированные с греческого, представляют морально-нравственную категорию, русские – бытовую лексику.

В русских образованиях с конфиксальной структурой основную семантическую нагрузку несет начальный элемент конфикса [З, с. 64]. Наиболее продуктивным являются препозиционный элемент *без-* (с отрицательным значением), *за-* (со значением места), *на-/над-* (для обозначения предмета).

Финальный же элемент может указывать и на частеречную/родовую и на стилевую принадлежность, так в древнерусском языке, строившемся во взаимодействии с народно-разговорной стихией, элементам конфиксальных образований, связанных с народно-разговорной стихией, это в первую очередь имена на *-ѣкъ* (*бездомѣкъ*, *прибожѣкъ*), *-ѣка* (*высевки*), *-ица* (*безлепица*, *възглавица*), *-ѣница* (*възглавѣница*), *-ѣць* (*просиниць*), *-ѣщина* (*беззядѣщина*), противопоставлялись постпозиционные части конфикса *-ние*, *-ие*: *безстрастие*, *безсповеление*, *въскрише*, *заскопие*, *съличие*, связанные с книжными жанрами. Т.о. формирование новых словообразовательных средств происходило по разным причинам, одна из них – стремление языка к выразительности (особые оттенки значений имели по возможности особое обозначение). Например, одной из важных особенностей конфиксов *на...ник*, *за...ок* в истории русского языка является их распространение на уровне народно-разговорной речи, что связано с особым лексическим пластом слов – бытовой лексикой. В целом конфикс ближе к народно-разговорным жанрам. Процесс становления конфиксации в русском историческом словообразовании происходит на основе смены словообразовательных отношений и связанного с этой сменой «своеобразного переразложения» [1, с. 106], множественность же мотивации конфиксальных образований в древнерусский период свидетельствует о значительной семантической емкости конфикса.

Таким образом, проведенный анализ разнообразных конфиксальных образований, свободы их словообразовательных связей с учетом экстралингвистических факторов (которые являлись одной из важнейших причин роста продуктивности конфикса в истории русского языка) позволяет сделать вывод, что конфиксация – живая словообразовательная модель – выступает как один из вероятных путей дальнейшего развития имен существительных.

Источники и литература

1. Марков В. М. Избранные работы по русскому языку / Под ред. проф. Г. А. Николаева. – Казань: Изд-во «ДАС», 2001.
2. Николаев Г. А. Русское историческое словообразование. – Казань, 1987.
3. Николаев Г. А., Владимирова Л. В. Русская конфикация и ее немецкие эквиваленты – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2001. – S.61-71
4. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка.. – СПб., 1895

Конік О. В.

КОНЦЕПТ «СЕРЦЕ» В ПОЕЗИЯХ ПАНТЕЛЕЙМОНА КУЛІША

«Філософія серця» завжди приваблювала людей, бо всі ми народилися зі здатністю відчувати: кохати, радіти, сміятися, ненавидіти, сумувати тощо і все, що відбувається тільки заради цього, заради здатності відчуті і зрозуміти серцем.

Термін «серце» має широке тлумачення, бо в ньому закодована певна культурна пізнавальна традиція, тому для нас є важливим його розглядання як образу чи символу, який включає в себе духовну суть. Аналіз концепту «серце» відображає важливість цього образу для слов'янської культури, його глибинність і багатозначність: серце з емоціями людини, з його почуттями, воно є центром її життя (не дивно, що досить часто воно отожднюється із душею). Природно, що розглядаючи фактори, пов'язані з виникненням «філософії серця» «в Україні, ми перш за все звертаємося до емоційності цього концепту, яка становить чи не одну з головних рис українського менталітету.

Тому й не дивно, що письменники, педагоги, художники, філософи залишили нам у спадщину великий доробок, у якому ми як нащадки простежуємо та аналізуємо лінію ідей філософії серця на різних етапах розвитку суспільства.

Порушивши проблему «кордоцентризму» в українській культурі, Чижевський став «хрещеним батьком» самого поняття «філософія серця». Далі це поняття переймають такі дослідники української духовної історії, як С. Яремусь, Є. Калужний, В. Цимбалістий, О. Кульчицький, І. Мірчук та ін. У сучасній літературі навіть панує погляд, що у «філософії серця» сконцентровано всю специфіку українського світобачення, а також основні риси національного світогляду та психології.

Звичайно, такий погляд на поняття «серце» притаманний не лише українській культурі. Ще Платон, Хризип (стоїки), Філон, Прокл знають «серце» як найвище в душі. Наука про серце із різними визначеннями проходить шлях схоластики і стає головним у німецьких містиків Екгарта, Тавлера, Сузо, Вайгеля, Арндта, Беме. Образ серця відчувається і в поезіях Сілезія, Етингера й Гана. Роздуми про роль серця є також і в Паскаля. Поділяючи функції розуму та серця, він виводить особливу «логіку серця». Подальшою розробкою концепту «серце» у ХХ ст. займалися Макс Шелер, Б. Вішеславцев, С. Франк, В. Зінкевський. У різних культурах (буддійська, китайська, японська, єгипетська, індійська), концепт «серце» як емоційний та релігійний центр посідав вельми поважне місце.

На українському ґрунті творцем оригінальної «кордоцентричної філософії» став Г. Сковорода, який поєднує «внутрішню людину» із серцем. На наш погляд, до представників цієї національної філософії слід віднести П. Куліша, Т. Шевченка, М. Гоголя, П. Юркевича, Лесю Українку, М. Коцюбинського, Б.-І. Антонича, П.Тичину, О. Довженка та ряд інших.

Наша увага в даній статті зосереджується на сприйнятті концепту «серце» П. Кулішем, видатним діячем української мови, літератури, історії і суспільства вцілому II половини ХІХ століття, на мовному матеріалі його поетичного спадку. Адже вираження концептуальної картини світу, загальної для всіх народів, знаходить своє особливе вираження в мовній картині кожної мови, і своє індивідуальне вираження в мові окремої людини. Вивчення деталей вираження концепту «серце» має неабияке значення для вивчення і розуміння мовної картини української мови, зокрема емоційного стану II половини ХІХ століття в Україні, що може з успіхом бути використане в компаративістиці з минулим та сьогоденням.

Дослідивши творчість П. Куліша, наголосімо, що концепт «серце» – найуживаніший в його ліриці, тому цей образ став чи не провідним серед усієї емоційно-експресивної лексики творчості поета. З огляду на хитання Кулішевого світогляду, на різних етапах його творчості концепт «серця» дещо варіюється.

Мотиви «Досвіток» наповнені різнополюсовими значеннями: *серце мучене, одиноке, хиже і серце віще, чисте, праведне*, але загальний мінорний настрій вводить образ серця в емоційний стан туги, розпачу, сумніву:

Дума сумовита –

То моя родина.

Серце одиноке –

Вірна дружина [2, с. 52]

«Скажи, віще серце, чи скоро світ буде?» [1, с. 266]

Нехай *темна нічка*

Хату обгортає,

Наше серце хиже

Повік звеселяє [2, с. 59].

Вищуванням новим

Серце моє б'ється –

Через край із серця

Рідне слово ллеться.

Б'ється, ллеться, звеселяє – дієслова з життєдайною силою, навіть *хиже* тут не несе ніякого негативного емоційного забарвлення, а має значення того, що жадає прагне. Відчуження та сум відчувається і в такому дієслівному ряді: *ходжу-блуджу, закриваю, нівечить*, що ще більшою мірою підкреслюється умовним способом дієслова *одкрив би* та, до речі, паралелізми тут концентрують, напружують емоційну атмосферу, вказують на